

Анархо-трансгуманизм: частые вопросы

Blueshifted

Оглавление

Что все это значит: "анархизм и трансгуманизм"?	4
Не отвлекает ли сосредоточенность на будущем от настоящего?	8
Какие идеи анархо-трансгуманизм предлагает для сопротивления?	9
Что делает трансгуманистский анализ технологий менее поверхностным, чем примитивистский?	11
Но вы, по крайней мере, выступаете против цивилизации?	13
Зачем беспокоиться, если крах цивилизации неизбежен?	15
Но разве «зеленая» энергия и «зеленые» технологии - это не миф?	16
Не является ли магическим мышлением упоминание технологий, которых на данный момент не существует?	18
Разве технологии не опосредуют наш опыт и не мешают нам жить непосредственной жизнью?	19
Чем анархо-трансгуманисты отличаются от других трансгуманистов?	20
Чем анархо-трансгуманизм отличается от Левого Акселерационизма или Полностью автоматизированного Роскошного Коммунизма?	22
Пересекается ли анархо-трансгуманизм с веганством?	24
Как анархо-трансгуманизм решает вопросы, касающиеся нейроотличных или людей с разными нарушениями?	25
Почему именно синий цвет?	26

«Смелым принадлежит будущее»

Что все это значит: ”анархизм и трансгуманизм”?

Термин «анархо-трансгуманизм» появился сравнительно недавно: он едва упоминался в 80-х годах, был публично принят в начале нулевых и стал по-настоящему популярен только в последнее десятилетие. Но он представляет собой течение мысли, присутствующее в анархистских кругах и теории со времен Уильяма Годвина¹, который связал стремление к постоянному улучшению и совершенствованию наших социальных отношений со стремлением к постоянному улучшению и совершенствованию нас самих, наших материальных условий и наших тел.

Идея анархо-трансгуманизма проста:

Мы должны стремиться к расширению нашей физической свободы так же, как мы стремимся к расширению нашей социальной свободы.

В этом мы видим логическое продолжение или углубление существующей приверженности анархизма к максимизации свободы.

«Трансгуманизм» часто неглубоко характеризуется в СМИ в терминах желания жить буквально вечно, или желания загрузить свой разум в компьютер, или фантазий о самосовершенствующемся ИИ, который внезапно прилетит и превратит мир в рай. И есть ряд людей, которых привлекают эти вещи. Но единственная определяющая заповедь трансгуманизма заключается в том, что у нас должно быть больше свободы изменять себя.

В этом трансгуманизм открывает атаку на фиксированные эссенциализмы и является частью более широкого дискурса в феминистской и квир-теории вокруг идентичностей киборгов и «негуманизмов». Трансгуманизм можно рассматривать либо как агрессивную критику гуманизма, либо, наоборот, как расширение специфических гуманистических ценностей за пределы произвольной видовой категории «человек». Трансгуманизм требует, чтобы мы исследовали наши желания и ценности,

¹ Годвина часто называют первым известным анархистом современности - хотя позже Прудон станет первым, кто открыто употребит этот термин. Годвин был выдающимся философом и утилитаристом, но его затмили его партнерша и возлюбленная Мэри Уолстонкрафт (часто упоминаемая как первая современная феминистка) и их дочь Мэри Шелли (часто упоминаемая как первая автор/ка научной фантастики). Годвин призывал к отмене государства, капитализма и многих других форм угнетения, но при этом объединял их с призывами к радикальному расширению технологических возможностей, включая такие дальновидные возможности, как продление жизни и победа над смертью. Годвин был лишь одним из многих исторических анархистов, выступавших в резко трансгуманистических терминах. Вольтерин де Клейр, например, приветствовала развитие больших технологических свобод и видела конечной целью «идеальную жизнь, в которой мужчины и женщины будут как боги, с божественной властью наслаждаться и страдать».

выходя за рамки случайности «Что есть», не признавая ни авторитета произвольных социальных конструкций, таких как гендер, ни слепой преданности тому, как функционируют наши тела в настоящее время.

Как и следовало ожидать, вопросы трансгендерности были ключевыми для трансгуманизма, начиная с «Манифеста трансчеловека» 1983 года. Но трансгуманизм радикально расширяет транс-освобождение, рассматривая его как часть гораздо более широкого спектра борьбы за свободу в создании и функционировании наших тел и окружающего мира. Анархо-трансгуманисты работают над непосредственными практическими проектами, которые дают людям больше контроля над своим телом: например, над клиниками, где проводят аборты, распространяют налоксон² или печатают 3D-протезы для детей из открытых источников. Но мы также задаем радикальные вопросы, например, почему наше общество не только не возражает против недобровольного разложения и смерти пожилых людей, но и морально поддерживает их вечное истребление.

Продление жизни - это, конечно, не вся суть трансгуманизма, но это важный пример борьбы, которую мы открыли и, как это ни шокирует, ведем в одиночку. Представление о том, что объективно «хорошая жизнь» длится до семидесяти или ста лет, но не более, явно произвольно, и тем не менее такого мнения придерживаются почти все и яростно его отстаивают. Многие ранние трансгуманисты были шокированы странностью и наглостью такой реакции, но она иллюстрирует, как люди становятся ярыми сторонниками существующей несправедливости из-за страха, что в противном случае им придется пересматривать устоявшиеся представления о своей собственной жизни. Точно так же, как люди защищают обязательную мужскую службу в армии или убийство животных ради пропитания, аргументы в пользу смерти явно являются защитной рационализацией:

«Смерть придает жизни смысл». Чем смерть в 70 лет более значима, чем смерть в 5 лет или в 200 лет? Если восьмидесятилетняя женщина будет жить и работать над своими стихами еще пять десятилетий, неужели это настолько подорвет вашу способность находить смысл, что вы прикажете ее убить?

«Нам стало бы скучно». Так давайте построим мир, в котором не будет скучно! Не обращая внимания на дикие возможности, заложенные в анархизме и трансгуманизме, чтобы прочитать все существующие сегодня книги, потребуется почти триста тысяч лет. В мире уже записано 100 миллионов песен. Тысячи языков со своими собственными экосистемами концептуальных ассоциаций и поэзии. Сотни областей для изучения богатых и увлекательных предметов. Огромные массивы опыта и новых отношений, которые можно попробовать. Конечно, нам не помешает еще несколько столетий, как минимум.

«Старые статичные перспективы засорили бы мир». Это довольно абсурдно и ужасающе - инстинктивно апеллировать к геноциду как лучшему средству решения проблемы отсутствия у людей пластичности в их перспективах или идентичности. Со времен рассвета *homo sapiens* погибло более ста миллиардов

² Антагонист опиоидных рецепторов, применяется как антидот при передозировках опиоидов, в первую очередь героина. (прим. ред)

человек. В лучшем случае они успевали передать лишь малую толику своего субъективного опыта, своих озарений и мечтаний, прежде чем все остальное в них резко гасло. Люди говорят, что каждый раз, когда умирает старец, это все равно что библиотека сгорает дотла. Что-ж, за время существования *homo sapiens* мы потеряли буквально 100 миллиардов библиотек. Несомненно, существует бесконечное множество способов, которыми мы могли бы жить и меняться, но было бы странно, если бы резкая бинарность внезапной, массивной и необратимой потери, которая является стандартом в настоящее время, была всеобщим идеалом.

Этот пример показателен тем, что он проникает в суть того, что предлагает трансгуманизм как продолжение радикализма анархизма: способность требовать оправдания не подвергаемых сомнению норм или условностей, бросать вызов тому, что иначе принимается.

Анархо-трансгуманизм разрушает многие из наших операционных предположений о мире, так же как и стремится расширить и исследовать рамки возможного. Радикализм заключается в том, чтобы перенести наши предположения и модели в чужой контекст и увидеть, что разрушается, чтобы лучше прояснить, какая динамика имеет более фундаментальные корни, и анархо-трансгуманизм стремится продвинуть анархизм через такое прояснение, чтобы привести его в лучшую боевую форму для борьбы с будущим. Сделать его способным бороться в любой ситуации, а не только в тех, которые специфичны для данного контекста.

Легко сказать: «Все эти разговоры о далеких научно-фантастических возможностях - неактуальное отвлечение, пока у нас есть настоящая борьба», и мы, конечно, не выступаем за отказ от повседневного анархического сопротивления и создания инфраструктуры, но именно перспективное мышление часто приносило нам самые большие успехи. Действительно, можно утверждать, что значительная часть потенциала анархизма исторически была получена благодаря нашим правильным прогнозам. И это повсеместная закономерность. В то время как интернет, очевидно, является местом серьезного конфликта сегодня, многие из свобод, которые он все еще предоставляет, были завоеваны радикалами десятилетия назад, которые прослеживали перспективы и важность вещей задолго до того, как государство и капитализм догнали или поняли последствия некоторых сражений.

С другой стороны, если и есть какой-то вывод из последних двух столетий борьбы, то он должен заключаться в том, что радикалам часто требуется очень много времени, чтобы выработать ответ на происходящее. Мы очень медленно адаптировались к меняющимся условиям, и в лучшем случае нам требовалось десятилетие, чтобы опробовать различные подходы, остановиться на хороших и затем популяризировать их. У нас все чаще наблюдается тенденция отвергать футуризм и вместо этого просто пожимать плечами и говорить: «Мы решим эту проблему с помощью практики», но на самом деле такое отвержение сводится к следующему: «мы разберемся с этим методом проб и ошибок, накинув говна на вентилятор, и у нас нет времени на годы ошибок и спотыканий».

Многие люди наконец-то приходят к пониманию того, что простота наших реакций и медленное время адаптации часто делают нас предсказуемыми для власть имущих, наши инстинктивные близорукие реакции уже включены в их планы, и

таким образом наша борьба начинает эффективно функционировать как клапан давления для общества.

Может показаться странным и несвязным пытаться выяснить, что именно анархисты подразумевают под «свободой», рассматривая контекст, в котором «я» и «индивид» не имеют четкого определения, а обычные призывы к автономии не работают. Можно отмахнуться от современного существования близнецов, сросшихся мозгами, которые странно используют местоимения, или людей, испытывающих многокамерный разум (см. бикамерализм), как от «неактуальных» или «маргинальных», и отвергнуть эмпатические технологии «мозг-мозг» как слишком далекие, чтобы о них стоило даже говорить (не будем говорить уже о парах, уже использовавших ограниченные прототипы). Но в конечном итоге отказ от чего-либо, выходящего за пределы нынешнего конкретного опыта, ограничивает анархизм парадоксальным контекстом, превращая его в поверхностную и скоро устаревшую историческую тенденцию вроде якобизма - неспособную говорить шире или претендовать на какую-либо глубину или укорененность наших этических позиций.

Если пройдет еще сто лет, и анархизм станет одной из тех идеологий или религий, которые цепляются за старые теоретические рамки и отказываются обновлять себя в соответствии с изменениями в технологическом развитии, мир многое потеряет.

Однако важно внести ясность: проактивное рассмотрение возможного - это не то же самое, что мелкомасштабная префигурация. Анархо-трансгуманисты не совершают ошибки требования какого-то конкретного будущего - набросать план и потребовать мир ему соответствовать. Скорее, мы выступаем за создание условий для множественности будущего.

Не отвлекает ли сосредоточенность на будущем от настоящего?

Если бы мы жили непосредственно в настоящем, без размышлений, мы бы не осознавали себя. Ментальная рекурсия - моделирование себя, других и нашего мира - занимает центральное место в самом сознании. Что определяет разум как разум, так это его способность предупреждающе думать на несколько шагов вперед. Не просто сразу катиться вниз по самому крутому склону, как камень, а понимать контекст, ландшафт выбора и возможные пути и иногда выбирать те, которые не удовлетворяют сразу.

Конечно, да, есть опасность стать неориентированным, но опасность есть во всем, если делать это глупо. Футуризм ни в коем случае не обязывает отрываться от борьбы в настоящем, но он влияет на то, что мы ставим во главу угла в настоящем. Например, отказ от реформ, которые могут улучшить наше положение в краткосрочной перспективе, но серьезно затруднить нашу способность бороться в будущем. Либералы известны своим пренебрежением к будущему: «В долгосрочной перспективе мы все умрем», - гласит знаменитая цитата Кейнса. Это отношение они используют для оправдания таких недальновидных действий, как разрушение окружающей среды и предоставление государству все большей власти над нашей жизнью. Иногда нам приходится улучшать свое положение в краткосрочной перспективе, чтобы продолжать борьбу, но мы всегда должны осознавать, чем мы торгуем. В противном случае вы получите анархистов, поддерживающих социалистических политиков.

Дело не в том, что нет абсолютно никаких шансов на то, что мы не сможем создать некую либертарную социалистическую утопию, если все мы действительно приложим к этому свои умы и тела, которая могла бы немедленно улучшить нашу жизнь, а в том, что есть предел этих улучшений. И, достигнув его, авторитарные тенденции могут углубиться и стать еще более трудными для свержения будущими поколениями. Аналогично, окончательный крах цивилизации может улучшить жизнь (очень немногих) выживших, но навсегда ограничит наши возможности и устремления скудными свободами.

Какие идеи анархо-трансгуманизм предлагает для сопротивления?

Если фашизм так силен, почему он до сих пор не победил? Наш мир мог бы быть гораздо хуже, чем он есть. Несмотря на все преимущества наших врагов - все огромное богатство и силу принуждения, которые они накопили, весь идеологический и инфраструктурный контроль, все системное планирование и слежку, все то, что люди по умолчанию склонны к когнитивным заблуждениям, жестокости и стадности, - они явно испытывают огромные препятствия по всем фронтам. И те общества или движения, которые пытались использовать сильные стороны авторитаризма более непосредственно, потерпели неудачу. Мы - несмотря на наши многочисленные недостатки и несовершенства - снова и снова побеждали. Число тех, кто предан абсолютной власти, бездумной капитуляции и насильственной простоте, бесчисленно. И все же мы подавили их амбиции, опередили их мировоззрение, запутали их кампании, саботировали их проекты, нанесли творческий ответный удар, упредили их и изменили ландшафт, уйдя у них из-под ног. Мы побеждаем, потому что свободные люди - лучшие изобретатели, лучшие стратеги, лучшие хакеры и лучшие ученые. Где идеология (или, скорее, инфекционный психоз) власти терпит неудачу, так это в ее необходимой слабости в использовании сложности. Власть по своей природе стремится ограничить возможное, а свобода - высвободить его.

Наличие большего количества инструментов дает нам больше возможных путей решения проблемы. Хотя «выбор», который предоставляют некоторые инструменты, может быть поверхностным и не иметь большой каузальной глубины или влияния, а выбор определенных инструментов может сузить выбор в других отношениях, в конце концов, вы не можете постоянно максимизировать свободу, не расширяя при этом свой набор инструментов.

Расширение степеней свободы с помощью таких инструментов дает атакующим больше возможностей, чем защитникам. Когда есть больше возможностей для нападения и защиты, нападающим нужно выбрать только одну, а защитникам - защищать все, что делает защиту жестких институтов и инфраструктуры все сложнее и сложнее.

Таким образом, в самом широком смысле технологическое развитие в конечном счете направлено на расширение возможностей меньшинств сопротивляться господству и делает культурные привычки консенсуса и автономии все более необходимыми - ведь в некотором смысле каждый получает право вето.

Аналогичным образом информационные технологии вызывают положительную обратную связь в социокультурной сложности. Если ранние грубые информационные технологии, такие как радио или телевидение, были захвачены и контролировались государством и капиталом, чтобы сформировать монополистическую инфраструктуру, способствующую развитию монолитной культуры, то дикое множе-

ство технологий, которые мы объединили под названием «Интернет», появились так быстро, что противостоят этой тенденции и вместо этого способствуют росту гиперкомплексности изменчивых дискурсов и субкультур.

Это создает удивительный источник сопротивления, потому что массовый контроль становится все труднее и труднее. То, что является модным, движется так быстро и настолько разнообразно и изменчиво, что политики и бизнес все чаще спотыкаются при попытке использовать это.

Наша социокультурная сложность с обратной связью представляет собой Социальную Сингулярность, отражение Технологической Сингулярности - процесса, в котором технологические идеи и изобретения с обратной связью развиваются слишком быстро, чтобы их можно было предсказать или контролировать.

Кремниевая долина отчаянно пытается избежать реальности того, что чистая рентабельность всей рекламной индустрии находится в упадке. С появлением Интернета люди начали просыпаться, и рекламодатели оказывают все меньшее влияние на ситуацию в целом. Все, что остается хоть сколько-то эффективным в работе с молодыми поколениями, - это более индивидуально ориентированные рекламные кампании - подумайте о компаниях, которые пытаются вступить в игру мемов или платят популярным подросткам в *instagram* за упоминание их продукции. Но их доходность явно уменьшается. Когда гиперсложная субкультура подростковой моды насчитывает 30 человек, Doritos уже не стоит тратить силы на то, чтобы пытаться нацелиться на них.

Что делает трансгуманистский анализ технологий менее поверхностным, чем примитивистский?

Трансгуманизм - это не утверждение, что все инструменты и их применение - во всех контекстах - совершенно замечательны и не имеют проблемных аспектов, которые следует учитывать, ориентироваться, отвергать, оспаривать или изменять. Трансгуманизм также не является принятием всей инфраструктуры или норм использования инструментов, которые существуют в настоящее время. Мы не утверждаем, что все технологии положительны в каждой конкретной ситуации, что инструменты никогда не имеют предубеждений или склонностей, или что должен быть навязан какой-то произвольный набор «высших» технологий. Скорее, мы просто утверждаем, что у людей должно быть больше возможностей и выбора в том, как они взаимодействуют с миром.

Для этого важно быть более информированным и иметь более широкий набор инструментов для выбора. Ведь в самом широком смысле слова «технология» - это просто любое *средство*, а определение свободы - это наличие большего количества доступных вариантов или средств.

Мы понимаем, что, хотя на практике неизбежно возникнет множество контекстуальных сложностей, в конечном итоге мы хотим иметь больше возможностей в жизни и во вселенной. Точно так же, как анархисты ратовали за то, чтобы иметь в своем распоряжении как можно больше различных тактик. Иногда одна тактика или инструмент будет лучше для работы, иногда нет. Но расширение свободы в конечном итоге требует расширения технологических возможностей.

Что прискорбно в нашем нынешнем состоянии, так это то, что технологии подавляются до тех пор, пока все, что нам доступно, - это одна-единственная технологическая монокультура, часто с очень резкими перекосами. С одной стороны, это происходит через подавление и стирание более простых или примитивных технологий, а с другой - через порочное замедление или сдерживание технологического развития благодаря законам об интеллектуальной собственности и множеству других несправедливостей. Аналогичным образом условия капитализма и империализма искажают то, какие технологии являются более прибыльными и, следовательно, на что направлены исследования.

Это не значит, что технологические изобретения при капитализме врожденно порочны или бесполезны. И уж точно это не значит, что мы должны начинать все с чистого листа, игнорируя все открытия и знания, накопленные на нашем пути.

Но многие отрасли и товарные формы, которые стандартизированы в нашем существующем обществе, были бы неустойчивыми и нежелательными в освобожденном мире.

Например: Существуют сотни способов изготовления фотоэлектрических солнечных панелей, но когда Китайская Народная Республика использует рабский труд и право собственности, чтобы захватить, разделить и отравить огромные участки земли, они в итоге снижают стоимость некоторых редкоземельных минералов — и таким образом заставляют деньги больше идти на исследования фотовольтики, использующей искусственно дешевые редкоземельные материалы, чем на альтернативные жизнеспособные отрасли исследований, использующие более распространенные материалы. Точно так же два века назад Огюстен Мушо, используя не более чем простые зеркала, продемонстрировал на Всемирной выставке полностью функциональный и (на тот момент) экономически эффективный солнечный паровой двигатель. Он бы поступил в массовое производство, если бы британцы не выиграли сражения в Индии, что позволило им поработить большое количество населения при добыче угля и резко снизить цены на него.

Это не сумасбродные утверждения, а исторические факты. Институциональное насилие часто меняет непосредственную рентабельность одних направлений исследований по сравнению с другими. Канадских шахтеров заменили конголезские рабы, работающие в ужасных открытых шахтах по добыче колтана. Примитивизм чрезмерно упрощает ситуацию, утверждая, что то, что существует, обязательно должно быть единственным способом реализации определенных технологий. Он также часто подразумевает единую линейную дугу развития, где все зависит от всего остального, игнорируя зачастую большую широту и разнообразие вариантов на этом пути и не исследуя огромный потенциал для реконфигурации.

Но вы, по крайней мере, выступаете против цивилизации?

Любая дискуссия о «цивилизации» неизбежно будет включать в себя огульное и слишком упрощенное повествование. Наша реальная история гораздо богаче и сложнее, чем может объяснить любой рассказ о простых исторических силах. Системы власти были с нами очень долго и глубоко проникли почти в каждый аспект нашего общества, нашей культуры, наших межличностных отношений и нашей материальной инфраструктуры. Но если мы хотим говорить о какой-то характерной или основополагающей «культуре городов», то это значит с самого начала записать в нее господство.

В каждом человеческом обществе, начиная с охотников-собирателей, всегда существовала ограничивающая динамика власти. Хотя более масштабные общества, естественно, делают возможным более демонстративное выражение господства, иерархия не присуща только им.

На протяжении всей истории человечества города были весьма разнообразны по степени внутренней иерархии и отношениям с окружающими обществами и средой. Ряд городских культур не оставил никаких следов иерархии или насилия. Следует помнить, что по определению более эгалитарные и анархические городские общества не тратили энергию на возведение гигантских монументов и ведение войн, а потому, естественно, будут менее заметны в доступной нам исторической летописи. Кроме того, поскольку в настоящее время мы живем под властью деспотичного глобального режима, само собой разумеется, что в какой-то момент любые более либертарианские общества должны были быть завоеваны, а мы знаем, что победители часто намеренно уничтожают все записи. Аналогично, неанархистские историки поспешили предположить, что наличие какой-либо социальной координации или технологических изобретений в эгалитарных и мирных городских культурах вроде Гарраппы доказывает присутствие некой государственной власти - даже когда нет никаких признаков этого и есть убедительные свидетельства обратного.

Городские концентрации возникли в некоторых местах, например на Британских островах, еще до появления сельского хозяйства. Действительно, во многих местах по всему миру, где земля не могла поддерживать постоянные города, люди, тем не менее, старались собираться вместе в больших количествах, когда и на какой срок им это удавалось. Зачастую ранние общества представляли собой одновременно охотников-собирателей и временных городских жителей, сменяющих друг друга в зависимости от времени года.

Это ни в малейшей степени не соответствует представлению о городах как исключительно беглой концентрации богатства и власти - единственной болезненной

ошибке. Если бы города были такой плохой идеей, почему люди, имеющие другие возможности, продолжают добровольно выбирать их?

Ответ, конечно, заключается в том, что жизнь в большом количестве людей увеличивает социальные возможности, открывая перед ними гораздо большее разнообразие возможных отношений.

Вместо того чтобы замыкаться в племени из ста или двухсот человек и, возможно, соседнего племени или двух - жизнь в городе позволяет людям формировать родственные связи с теми, кто находится за пределами их случайного рождения, органично формировать свои собственные племена по собственному выбору. А еще лучше - избавиться от ограничивающей замкнутости закрытых социальных кластеров. Нет никаких причин, по которым ваши друзья должны быть вынуждены дружить друг с другом. Города позволяют людям формировать обширную панораму отношений, расширяющихся в гораздо более крупные и богатые сети.

Такой космополитизм позволяет и поощряет эмпатию, необходимую для преодоления племенной или национальной чуждости. Он расширяет наши горизонты, обеспечивая взаимопомощь в невероятных масштабах и способствуя расцвету гораздо более богатых культурных и когнитивных экосистем, чем когда-либо прежде. Если и есть какая-то определяющая характеристика «культуры городов» или «цивилизации», то это дикая анархия, высвобожденная сложность и возможности.

Нам нужен мир с кипящей связностью космополитизма, но без централизации и оседлости, характерных для многих «цивилизаций» до сих пор. Мы хотим реализовать обещание и радикальный потенциал городов, которые заставляли людей добровольно создавать их снова и снова на протяжении всей истории.¹

¹ Таким образом, автор:ка поддерживает не откат от цивилизации (антицив), но преодоление цивилизации (постцив). На эту тему можно прочесть их другие статьи. (*прим. ред*)

Зачем беспокоиться, если крах цивилизации неизбежен?

Действительно, наша нынешняя инфраструктура и экономика невероятно хрупки, разрушительны и неустойчивы - во многих отношениях служат и переплетаются с угнетающими социальными системами. Но существует множество других возможных форм. Наша глобальная цивилизация - это не некое магическое целое, а огромное и сложное поле битвы множества конкурирующих сил и тенденций.

«Неизбежность» якобы грядущего краха на самом деле сама по себе весьма хрупка. Любое отдельное развитие событий может значительно подорвать его. Например, изобилие дешевой чистой энергии или изобилие дешевых редких металлов. Каждое из них приведет к другому, поскольку дешевая энергия означает более эффективную переработку металлов, а дешевые металлы - более дешевые батареи и расширение доступа к таким источникам энергии, как ветер. Земля - не замкнутая система, и, например, несколько крупных корпораций сейчас пытаются захватить близлежащие астероиды, настолько богатые редкими металлами, что они обрушат рынки металлов и закроют почти все шахты на планете.

Отметим, что маловероятно, что такой коллапс вернет нас в идиллический эдем¹. Многие центры власти, скорее всего, уцелеют, почти нигде не опустится уровень технологий ниже железного века, миллиарды людей погибнут от ужаса, а внезапный всплеск экологического разрушения будет невероятным. Оказывается, распространение лесов в северных широтах может привести к глобальному потеплению, потому что деревья в конечном итоге являются плохими поглотителями углерода, а изменение альбедо Земли (из-за более темных лесов) приводит к поглощению большего количества энергии от солнца. Независимо от шансов мы должны бороться с неопостижимым холодостом коллапса. Мы обязаны бороться, чтобы иметь возможность влиять на наше будущее и окружающую среду и нести за них ответственность. Только с помощью науки и технологий мы сможем устранить древние катастрофы, такие как Сахара, организовать вывод ужасов из эксплуатации и заново озеленить большую часть Земли.

¹ Как четко показал Качинский в "Критике анархо-примитивизма", племена собирателей и охотников не были вершиной всевозможного равенства и свободы - скорее, было множество разнообразных племен, включая свободные и несвободные. (прим. ред)

Но разве «зеленая» энергия и «зеленые» технологии - это не миф?

Это просто неверно. Если вы внимательно прочитаете о «зеленых» технологиях, то ученые, работающие над ними, не окажутся близорукими идиотами, которые систематически игнорируют анализ жизненного цикла. Они учитывают такие вещи, как бетон, транспортные расходы и плотность хранения энергии. Капиталисты любят раздувать абсурд в неглубоких пресс-релизах, но реальный научный дискурс о «зеленой» энергии охватывает драматические изменения на порядки величины. Вполне правдоподобное сокращение следа в 100 или 1000 раз будет представлять собой монументальную разницу, а не какую-то тривиальную реформу. Люди всегда оказывали влияние на окружающую среду, и экосистемы Земли никогда не были статичными. Нашей целью должен быть не какой-то неизменный и резко ограниченный образ жизни с буквально нулевым следом, а возможность использовать нашу изобретательность и исследования таким образом, чтобы не уничтожать Землю бульдозером.

Если мы переведем небольшую часть нынешней углеводородной энергии на солнечную, у нас будет достаточно энергии, чтобы заменить ее. Можно получить невероятно высокую мощность от солнечной энергии, используя даже технологию зеркал и паровых труб 1800-х годов. Существует множество вариантов конденсационных батарей, и еще больше разрабатывается, например, биохимические накопители высокой плотности и т.д. Тем временем фотовольтаика преодолела все предполагаемые барьеры и разнообразила необходимые материалы, включая довольно простые подходы с крошечным экологическим следом. Окупаемость солнечной энергии близка к 12-кратной и стремительно растет. Дошло до того, что правительства таких стран, как Испания, запретили частное использование солнечной энергии без уплаты высокого налога, чтобы сохранить конкурентоспособность ископаемого топлива и централизованных сетей - они даже начали проводить вооруженные облавы на дома с солнечными панелями.

Хотя атомная энергетика до сих пор вызывает крайне негативные ассоциации у экопанка 80-х, многие из этих опасений справедливы только в отношении реакторов времен холодной войны. Точнее, реакторов, которые были построены для того, чтобы быть высокоцентрализованными, управляемыми государством и работать только с материалами, которые могли бы производить побочные продукты, пригодные для использования в качестве оружия. С другой стороны, многие конструкции ториевых реакторов с жидким фтором буквально не способны расплавиться, работают на радиоактивном материале, который в естественных условиях в ядовитом изобилии присутствует на поверхности Земли, и оставляют остатки с относительно низким периодом полураспада.

Точно так же, несмотря на то, что в 80-х годах прошлого века некоторые спекулятивные сообщения о «холодном термоядерном синтезе» и чрезмерно восторженные заявления о нормальном термоядерном синтезе превратили термоядерный синтез в посмешище на ночном телевидении, он остается разумным и известным источником невероятно чистой энергии, ограниченным только инженерными проблемами, а не какими-либо вопросами фундаментальной науки. А недавняя история была наполнена цепью постепенных успехов и пройденных этапов.

Хотя все это может обеспечить дешевую энергию, единственный способ обратить вспять глобальное потепление на данный момент - это углеродно-отрицательные технологии, которые оставляют после себя твердый углерод в качестве побочного продукта. Существует множество уже проверенных способов сделать это - от древних технологий газификации до множества подходов к выращиванию водорослей.

То, что ни одна из этих технологий не получила широкого распространения, объясняется политическими причинами. Государственное насилие субсидирует нашу невероятно неэффективную инфраструктуру, потому что она поддерживает централизованные крупномасштабные экономические структуры. Точно так же большая часть потребляемой нами энергии в настоящее время идет на войны и прихоти, спрос и предложение агрессивно искажены, а экологические издержки систематически перекладываются на определенные компании и отрасли.

Это не обязательно должно быть так. Технологическое развитие неизбежно расширяет возможности, поэтому неудивительно, что в последнее время технологические инновации уходят от массивных централизованных инфраструктурных структур и переходят к органичным, децентрализованным и реконфигурируемым подходам, таким как 3D-печать и открытый исходный код.

Не является ли магическим мышлением упоминание технологий, которых на данный момент не существует?

Есть глубокое и очень важное различие между «физически осуществимо, но еще не разработано» и «кто знает».

Допустим, никто еще не построил перевернутый дом на дереве. Никто даже не проектировал перевернутый дом на дереве. Тем не менее вы сразу же понимаете, что это вполне осуществимо. Нужно будет разработать проект, придумать, как решить некоторые проблемы (основание или «пол» конструкции, обращенный вверх, очевидно, придется облицевать каким-нибудь водостойким материалом), а затем построить его. И, возможно, это будет причудливо выглядеть в перевернутом виде, и ваши дети получают от этого удовольствие. Но дело вот в чем: нам не нужно спорить о том, может ли это быть «невозможно» построить. Проблемы, как они есть, это инженерные/строительные/математические проблемы, это проблемы, на решение которых может потребоваться меньше или больше времени, чем мы предполагаем, но они могут быть решены.

Большинство из тех вещей, о которых мы говорили, находятся очень далеко, но в пределах выполнимости - нет никаких шансов, что им помешают физика, математика, химия или что-то подобное - мы же не говорим о червоточинах, например. Это всего лишь инженерные проблемы, хотя и непростые. Над которыми трудится множество экспертов и в которых уверен сложившийся консенсус. Например, добыча астероидов - это как спутники в 50-х годах прошлого века. Мы знаем, что можем это сделать, мы знаем, что это окупится, нам просто нужно сначала проделать ебейшую кучу работы на нашем пути.

Ничего из этого не является «магией», то, о чем мы говорили, - это очень простые, очень консервативные вещи типа «ну, это определенно будет возможно». Оценки того, сколько времени пройдет до этого момента, естественно, субъективны, но нужно иметь заговорщический научный дениализм, чтобы притворяться, будто создание роботов для добычи полезных ископаемых будет невероятно трудным или потребует эквивалентного количества человеческого труда.

Разве технологии не опосредуют наш опыт и не мешают нам жить непосредственной жизнью?

Все причинные взаимодействия «опосредованы». Воздух опосредует звук наших голосов. Электромагнитное поле и любой другой материал опосредуют нашу способность видеть. Культура и язык опосредуют то, какие понятия могут быть выражены с ясностью.

Вам может показаться, что это «тривиальный» вопрос, но на самом деле он очень глубок. Трудно дать объективную метрику того, что считается «большим количеством посредничества», и еще труднее пытаться утверждать, что такая метрика что-то значит.

Не существует такой вещи, как «прямой опыт». Чтобы увидеть что-либо, требуется огромный объем обработки, поскольку сырые сигналы перерабатываются нейронными колонками в нашей зрительной коре во все более абстрактные сигналы. Артефакты этой обработки можно обнаружить в оптических иллюзиях и узорчатых галлюцинациях. И в свою очередь наш опыт определяет, какие схемы распознавания образов формируются с той или иной силой. Переживать «напрямую», без посредничества, означало бы вообще не переживать и не думать.

Конечно, можно попытаться провести различие между «созданным человеком» посредничеством и нет, но такое различие не имеет фундаментальной связи с тем, насколько ярко или точно мы ощущаем вещи. В то время как кто-то прослушивает или подвергает цензуре вашу общественную сеть Wi-Fi, такое вмешательство или саботаж в разной степени применимы ко всем нашим средствам коммуникации, включая культурные и языковые конструкции.

Нелепо говорить о «большем» посредничестве, а не о разных его видах с различными контекстуальными преимуществами и недостатками. Даже Джон Зерзан¹ носит очки для зрения, чтобы улучшить свою общую способность визуально воспринимать и взаимодействовать с окружающим миром. Во многих отношениях современные технологии могут быть использованы для расширения глубины и богатства нашего взаимодействия с природой и друг с другом.

¹ Один из самых известных сторонников анархо-примитивизма. (прим. ред)

Чем анархо-трансгуманисты отличаются от других трансгуманистов?

Трансгуманизм - довольно простая позиция, и поэтому существует широкий спектр людей, которых она привлекает. Неизбежно, что некоторые из них несносны, недальновидны, наивны или реакционны.

К счастью, значительная часть реакционного контингента отказалась от трансгуманизма, когда наконец поняла, насколько неразрывны его освободительные компоненты. «Смерть гендерной бинарности? Это не то, на что я подписывался!» Многие из этих идиотов сформировали культ/фандом фашистов-для-ботаников под названием «неореакция» в составе alt-right. Особенно показательно, что многие из них теперь надеются на крах цивилизации и выступают за него. Они ожидают, что это приведет к пост-апокалиптическому ландшафту, где будут господствовать их абсурдные представления о биологическом эссенциализме, где «настоящие альфа-мужчины» правят как военачальники, а не-альфа и остальные гендеры используются для изнасилований, рабства или охоты. Или же мы вынуждены вернуться к родоплеменным отношениям, что лучше способствует (в небольших масштабах) националистической идентичности, межличностной иерархии и традиционализму. Другие представляют себе небольшие корпоративные вотчины и некоего бога ИИ, который будет помогать им поддерживать желаемую иерархию, не давая угнетенным группам получать, понимать или развивать технологии.

Очевидно, что эти фашисты могут пойти и сгореть в огне. Мы рады, что они ушли из трансгуманизма, и надеемся, что все оставшиеся их единомышленники последуют за ними.

К сожалению, хотя откровенные реакционеры ушли, большинство трансгуманистов все еще идентифицируют себя с либерализмом, государственным социализмом, социал-демократией и подобными технократическими культами власти. Самый печально известный пример - Золтан Иштван, который одновременно баллотировался в президенты и был самым большим позором в трансгуманизме.

Очевидно, что мы считаем неанархических трансгуманистов в лучшем случае политически наивными, а в худшем - охренительно опасными, но мы также считаем, что трансгуманизм без анархизма - это совершенно несостоятельная позиция.

Мир, в котором каждый человек обладает повышенной физической силой, - это мир, в котором индивидуумы наделены сверхспособностями и поэтому обязаны решать разногласия путем консенсуса, как будто у каждого есть право вето, а не путем принуждения демократии большинства.

Предоставить людям инструменты, но при этом каким-то образом пытаться сверху вниз ограничивать или контролировать то, что они могут делать с помощью этих инструментов или что еще они могут изобрести, практически невозможно без

внедрения абсурдной авторитарной системы, которая подавляет почти все функции этих инструментов. Это можно увидеть на примере борьбы за навязывание и обеспечение соблюдения «интеллектуальной собственности» в Интернете или войны против гаджетов. В этом смысле все государственные трансгуманисты не достигают трансгуманистических идеалов из-за своего затянувшегося страха перед свободой и сверхмогущественными пролами.

На философском уровне невозможно согласовать принятие трансгуманизмом большей свободы действий в отношении наших тел и окружающей среды с одновременным отстаиванием угнетающих социальных институтов, которые в значительной степени ограничивают нашу свободу действий.

Это различие ценностей проявляется в целом ряде различий. Очевидно, что мы гораздо меньше думаем о том, чтобы позволить государствам и капиталистам монополизировать контроль или развитие новых технологий, и мы поддерживаем серьезное сопротивление, направленное как на атаку их централизованной инфраструктуры, так и на освобождение их исследований и инструментов для всех. Убийство Google имеет первостепенное значение.

Наконец, в неанархистских трансгуманистических кругах существует довольно разочаровывающее течение, которое фокусируется на развитии искусственного интеллекта, а не на освобождении и расширении возможностей миллиардов разумов, уже живущих на этой планете. Если мы хотим взрыва интеллекта, то более быстрым и надежным путем было бы освобождение и расширение возможностей всех потенциальных Эйнштейнов, которые в настоящее время заперты в трущобах, фавелах, открытых шахтах и полях по всему миру. Кроме того, довольно пугающе, что стандартный подход к ИИ в основном сводится к «как мы можем наиболее эффективно контролировать/поработить его?». Если у нас будут такие дети, они заслуживают сострадания и свободы.

Чем анархо-трансгуманизм отличается от Левого Акселерационизма или Полностью автоматизированного Роскошного Коммунизма?¹

Мы не марксисты, но анархисты, и поэтому наш анализ глубже, чем простая политекономия. Анархисты сосредоточены на борьбе с господством и ограничениями на каждом уровне, а не только на макроскопическом или институциональном. И как анархисты мы хотим не просто бесклассового общества, а мира без властных отношений - наш этический анализ распространяется и на межличностную динамику власти, включая более сложные, тонкие, неформальные и даже взаимные отношения господства и ограничения.

Хотя мы разделяем стремление таких людей к миру, где эффективность технологий приведет к изобилию и освобождению от тяжелого труда, мы, как анархисты, не можем принять их предписание «вертикализма». Мы также выступаем против недалёковидной поспешности, но в деталях их «стратегии» находим много старых марксистских рефлексов, направленных на создание элиты, которая будет управлять революцией/обществом.

Эта преданность приводит к тому, что они симпатизируют и неверно идентифицируют некоторые аспекты нашего мира, предполагая, что определенные корпоративные и государственные структуры отражают *необходимые иерархии*, а не *расточительные раковые опухоли*, поддерживаемые системным насилием и фактически активно подавляющие науку и технологическое развитие.

В более широком смысле марксизм разделяет тревожную тенденцию своего идеологического ответвления - примитивизма - говорить в мистических терминах о макроскопических абстракциях, таких как «капитализм» или «цивилизация». В их анализе эти сущности наделяются своего рода агентностью или преднамеренностью, а все, что находится внутри них, рассматривается как составляющие динамики, служащие большему целому, а не как конфликтующие и поддающиеся перестройке. Это часто ослепляет обе идеологии в отношении аспектов лучшего мира, который сейчас растет в оболочке старого, а также возможностей для значимого сопротивле-

¹ «Левый акселерационизм» выступает за усиление процессов технологического развития для преодоления сдерживающих «рамки» текущей системы капитализма, к примеру, с помощью перенацеливания современных технологий, исходя из критериев социальной полезности и уровня эмансипационного потенциала, на выполнение более полезных задач. Манифест «Полностью автоматизированного Роскошного капитализма» утверждает, что технологии могут быть использованы для создания повсеместно процветающей экономики после дефицита. (*прим. ред*)

ния и позитивных изменений, которые не являются исключительно катаклизмом тотального разрыва.

Пересекается ли анархо-трансгуманизм с веганством?

Очень сильно! Анархисты-биохаkers работали над такими проектами, как получение дрожжей для производства критически важных молочных ферментов в обычном сыре - просто положите дрожжи в теплый чан с сахаром и дайте им выпасть! Другие, например, работали над созданием водорослей, которые обеспечивают во много раз более эффективное производство полезных белков и углеводов из солнечного света, чем традиционное сельское хозяйство, исключая даже смертность от работы трактора.

В долгосрочной перспективе, после восстановления большей части планеты, более осознанное управление нашими экосистемами может позволить нам внести коррективы, которые уменьшат чистые страдания. Или даже узнать, как разговаривать с дельфинами и убедить их не быть такими кровожадными насильниками-мудаками.

Как анархо-трансгуманизм решает вопросы, касающиеся нейроотличных или людей с разными нарушениями?

Как и следовало ожидать, позиция трансгуманистов и анархо-трансгуманистов заключается в том, чтобы позволить расцвести миллиарду физических и когнитивных архитектур! Мы хотим радикально атаковать и устранить стигмы и ограничивающие социальные нормы, чтобы огромное разнообразие опыта можно было прожить без угнетения. В то же время мы хотим предоставить людям инструменты для контроля над своим телом, разумом и условиями жизни. Каждый человек должен сам определять, что может быть угнетающим нарушением в его собственной жизни... или чем-то, что является частью его идентичности и уникального жизненного опыта.

В конечном счете, мы стремимся овеществить различие между «нарушением» и «увеличением», а также между «желанием» и «потребностью». Ни один «базовый уровень» не должен быть угнетающим образом *нормализован*.

Почему именно синий цвет?

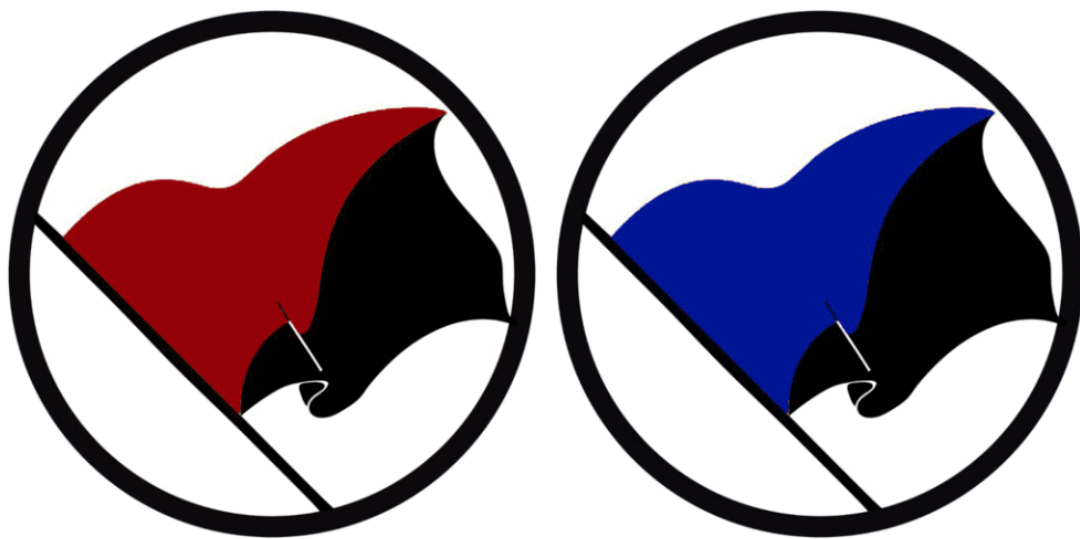
Синий цвет имеет долгую историю как символ будущего. Синий - это цвет неба и морей, далеких горизонтов, которые предстоит исследовать. Синий пигмент очень редко встречается в природе, а синие розы и синие цветы чаще всего означают искусственное, футуристическое, обнадеживающее и бесконечное. Синий цвет в подавляющем большинстве случаев используется в научной фантастике.

Синий также широко используется для обозначения ускорения и скорости в целом: все другие цвета «смещаются», когда наблюдатель ускоряется по отношению к объекту.

Конечно, наиболее просто и очевидно, что мы выбрали синий полтора десятилетия назад, потому что на цветовом круге анархистских школ он был последним основным невостребованным цветом. Мы хотели утвердить и защитить наши идеи и устремления таким образом, чтобы не следовать традиционным спорам 90-х годов о красном и зеленом. Было важно отличить себя от более традиционных течений синдикализма и коммунизма, не пытаясь отрицать или доминировать над существующими представлениями о них. Многие из нас с энтузиазмом относятся к классическим устремлениям Кропоткина и Букчина, другие - пост-левые, интенсивно критикующие организационность и идеологическую жесткость, третьи - выходцы из левых рыночных традиций, таких как мютюэлизм. Но многие из этих различий ортогональны к нашему общему фокусу на физических условиях и технологических средствах.

Самые интересные споры в конечном итоге ведутся не об экономических системах XIX века, а о том, как мы хотим жить во Вселенной и каковы должны быть наши ценности по отношению к ней. В споре о "зеленом" и "синем" мы считаем приятным моментом, что примитивисты выбирают цвет земли, а мы - цвет неба.

Конечно, следует отметить, что во многих других контекстах цветовая символика может меняться, и в ряде стран - за некоторыми весьма примечательными исключениями - где политические партии выражают свою ориентацию в цвете, на синий цвет часто претендуют консерваторы. Но в государственной политике и на другие цвета претендуют убогие ублюдки. Черный - фашизм. Красный - танкисты и нацисты. Розовый - социал-демократы. Мы не чувствуем никакой необходимости заботиться о внутренних цветовых схемах наших врагов так же, как они заботятся о внутренних цветовых схемах анархистов. Наша политика, очевидно, прямо противоположна консерватизму.

При ускорении по отношению к объекту он кажется синеватым.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Blueshifted
Анархо-трансгуманизм: частые вопросы
Переведено с <https://blueshifted.net/faq/>
ru.anarchistlibraries.net